

Олигархов надо (ка)лечить

Автор:

Надежда Волгина

Олигархов надо (ка)лечить

Надежда Волгина

Несносные олигархи

«Долго идти не пришлось – очень скоро Ната разглядела человека. Мужчина лежал на животе, поджав под себя руки, и не подавал признаков жизни. – Эй! – позвала Ната. – Вы живы?.. ...Стоило только Нате взглянуть на грязное и тоже все в царапинах лицо, как она застыла словно изваяние. Она его сразу узнала – Савелий Мамонтов. Именно его она видела по телевизору. Что же получается, что самолет, за штурвалом которого он и находился, потерпел крушение где-то неподалеку?..» Пройти мимо врага, оставить его умирать легче, чем спасти ему жизнь, что Натали и сделала. Но желание отомстить и ненависть от этого только возросли.

Надежда Волгина

Олигархов надо (ка)лечить

Глава 1

Натали

Как же удачно она выбрала краску! Из всех оттенков зеленого ей попался самый симпатичный. Не яркий и не тусклый, насыщенный и свежий, одним слово,

загляденье. Ната любовно мазнула кистью по забору и отошла немного, чтобы полюбоваться плодами своего труда. Осталось совсем немного, и ее забор будет выглядеть как новенький. Она долго собиралась его покрасить, но все не с руки как-то было. А на носу лето, жара... И она рада, что сделает это в мае. Потом еще освежит крыльцо, бочки для полива, лавочку – память о папе, и все – можно наслаждаться жизнью!

– Ната! – раздался голос, идущий от калитки. – Ты где?..

– В огороде, за домом! – прокричала в ответ.

Ну вот и передышка подоспела в лице Веры. Да и от запаха краски нужно немного отдохнуть.

Ната обогнула дом и увидела Веру – подругу детства. Та разглядывала клумбу перед домом и недоуменно качала головой.

– Все время удивляюсь, как у тебя обычные тюльпаны вырастают такими высокими и пышными. У них даже цвет другой – более насыщенный. Признавайся честно, колдуешь над ними по ночам, поди?

– Удобряю как следует, – рассмеялась Ната.

Настроение у нее с самого утра держалось приподнятое. А все солнышко, что пришло на смену дождю и уже изрядно подсушило землю. Глядишь, к вечеру можно будет и в огороде покопаться, а то ведь, и не войдешь туда.

– Я что пришла-то, – спохватилась Вера. – У тебя остался еще тот волшебный крем? Ромашковый? Ты посмотри, какие у меня после него руки! – вытянула она те перед собой. – Бархат, не иначе. Ни единой цыпки не осталось. Кожа такая белая... Хочется любоваться ею до бесконечности. И не трогать себя не могу, – любовно провела Вера пальцем по тыльной стороне ладони. – Только не говори, что закончился, – с мольбой посмотрела на Нату.

– Тебе повезло, – улынулась та. – Как раз одна баночка и осталась.

– Так неси суда ее! – обрадовалась Вера. – Вовремя я... И у меня скоро закончится обед.

Вера работала кассиром в универмаге. На обед ей выделялось полчаса – как раз добежать до Наты и нестись обратно. Опять будет кусочничать, не отходя от кассы, в прямом смысле слова.

Медлить Ната не стала, и уже через минуту Вера любовно тискала небольшую баночку с кремом.

– Нат, ну ты еще сделай. Я уже всем нашим бабам рассвистела, – смущенно добавила.

– Деваться некуда, – притворно горестно вздохнула Ната. На самом деле, она и так собиралась сегодня отправиться за травами, запас которых подошел к концу. Только вот, с забором сначала закончит.

После ухода Веры дело пошло быстрее, и очень скоро Ната вернулась в дом, чтобы смыть с себя всю краску, переодеться и отправиться в лес за травами. Ну а пока занималась всем этим, для фона включила телевизор.

– ...Самолет пропал с радаров в 12.42. Повторяем, в 12.42. Если кто-то что-то видел, просьба позвонить по телефонам горячей линии, которые вы видите на своих экранах. Напоминаем, что речь идет о жизни уважаемого всеми нами человека, известного бизнесмена и мецената Савелия Мамонтова, который и находился за штурвалом самолета. Когда-то его отец, Евгений Мамонтов, основал империю...

Услышав последнее имя, Ната медленно повернулась к телевизору. И если до этого она слушала вполуха, разве что, всей душой сочувствовала потерпевшим крушение, то потом и вовсе потеряла нить сообщения.

С экрана телевизора на нее смотрело довольно симпатичное мужское лицо, с очень волевым подбородком и пронизательными умными глазами. Но интересовало ее не оно, а то, на чье оно было похоже. Те же глаза и брови, разве что чуть помягче взгляд. Ну и гораздо моложе. Но сходство с тем, кого она ненавидела всем сердцем, было поразительным. И вопреки всему, в душе зародилось злорадство. Подлое и совершенно ей не свойственное, но ничего

поделаться с ним Ната не могла. Справедливость существует? Жизнь за жизнь? Мысли вихрем пронесли в голове, а от смысла их Нате стало совсем худо. Она быстро выключила телевизор, схватила с полу корзину и выскочила за дверь. Во дворе, когда посмотрела на свой новенький и симпатичный заборчик, стало немного легче. И уже с более спокойным сердцем Ната отправилась в лес.

Лес всегда успокаивал. Гордые сосны, убегающие верхушками к самому небу; суровые и коренастые дубы; кокетливые и немного легкомысленные клены; стройные красавицы березы... и конечно же, подлесок – кустарники со съедобными или ядовитыми ягодами. Многослойный и всегда таинственный лес – он неизменно дарил Нате спокойствие и умиротворение. Особенно в такую погоду, когда солнце уже прогрело воздух почти по-летнему, а в лесу царила приятная и пахнущая свежестью прохлада.

Первым делом Ната набрала одуванчиков, аккуратно срывая ярко-желтые бутоны и складывая в корзину. Еще пару дней и они превратятся в пуховые шарики, и сейчас самое время делать из одуванчиков целебную настойку. Да и росли те на поляне перед лесом густым ковром. Она и получаса не потратила, как корзинка наполовину наполнилась.

За мать-и-мачехой, лопухом, подорожником Ната углубилась в лес. А вот нужная ей крапива росла еще дальше, для этого пришлось идти в самую чащу. Но страшно не было. Чего бояться там, где тебе все знакомо с раннего детства? Хищников? Ну так те редко когда первые нападают на людей. А остальных лесных обитателей Ната считала своими друзьями.

С раннего детства Ната приезжала в деревню на все лето к бабушке. А когда умерла мама, они с папой перебрались сюда жить. Да и бабушка уже была стара, нуждалась в уходе. Нате тогда исполнилось десять. В этом возрасте она и начала интересоваться травами, пока любовь ее не переросла в ремесло. Отвары, настойки и мази она стала изготавливать еще в отроческом возрасте. А сейчас, когда не стало сначала бабушки, а потом и отца, ремесло это ее и кормило. В деревне ее так и называли травница Натали. Ну а самые близкие звали Натой.

А вот и крапива. В этом месте лесной чащи жалящая трава росла густым высоким ковром – рви, не хочу. Ната надела специальные перчатки по локоть и

принялась за дело. Крапива жалила даже через перчатки, но девушка терпела. Трава эта была очень полезна. Во многие настойки и мази Ната ее добавляла. И нарвать ее нужно много, да утрамбовать как следует в корзине, чтобы поместилось туда еще больше.

Когда она уже заканчивала рвать траву, до слуха донесся какой-то посторонний звук, природу которого Ната разобрала не сразу. Она выпрямилась и затаилась, пока снова лесную тишину не нарушил приглушенный стон.

Неужто человек? Должно быть, кто-то попал в беду. Оставив корзину, что изрядно потяжелела, под деревом, Ната поспешила на помощь. Кто бы это ни был, но так стонать может только тяжело раненный.

Долго идти не пришлось – очень скоро Ната разглядела человека. Мужчина лежал на животе, поджав под себя руки, и не подавал признаков жизни.

– Эй! – позвала Ната. – Вы живы?

Вопрос самой ей показался глупым, и она себя мысленно отругала, приближаясь к мужчине. Он был весь израненный, одежда на нем порвана во многих местах. Бегло осмотрев раны, Ната убедилась, что не все они глубокие. Но некоторыми нужно было заняться прямо сейчас, чтобы избежать еще большей кровопотери. Убедившись, что мужчина жив, она, не мешкая, оторвала нижнюю часть блузки и перевязала лоскутами ткани самые нехорошие раны. И только потом с великим трудом перевернула мужчину на спину. Крупный он, тяжелый и неповоротливый будучи без сознания.

Стоило только Нате взглянуть на грязное и тоже все в царапинах лицо, как она застыла словно изваяние. Она его сразу узнала – Савелий Мамонтов. Именно его она видела по телевизору. Что же получается, что самолет, за штурвалом которого он и находился, потерпел крушение где-то неподалеку?

Ната выпрямилась и оглянулась. Ничего поблизости похожего на самолет не заметила. И едва поборола в себе желание бежать отсюда без оглядки. Снова в душе родилось мстительное «жизнь за жизнь», и снова она усилием воли прогнала эти мысли. Ну а дальше засучила рукава и принялась за дело. Помочь ей тут было некому. Бежать за помощью – слишком долго. На счету была каждая минута.

Соорудить лежанку из веток не составило большого труда. Гораздо сложнее далось перемещение пострадавшего на эту лежанку. От тяжести Ната и сама едва не легла рядом. Но у нее получилось, и вскоре она уже медленно двигалась в сторону деревни, таща за собой лежанку с пострадавшим, в ногах которого установила и свою корзину.

На счастье ли, на беду ли, но никого на пути домой Ната не повстречала. Сама она уже еле дышала, когда затаскивала лежанку во двор. А впереди еще оставалось самое сложное – каким-то образом втащить этого тяжеленного мужика на крыльцо.

И снова она никого не могла позвать на помощь. Дом ее находился за деревней, у самого леса. До ближайшей избы было с километр, не меньше. И как назло, в обычные дни к ней часто кто-то навещается, а сейчас, когда это было так нужно, ни души.

К тому моменту, как закрыла дверь, Ната уже была ни жива ни мертва. Так и сползла по стеночке рядом с тем, кто продолжал оставаться без сознания. И какое-то время тупо смотрела в окно, чувствуя, как трясутся руки и ноги.

Сколько прошло времени, она и не поняла, но в какой-то момент словно очнулась от сна и сообразила, что бездействовать никак нельзя, что нужно срочно осмотреть пострадавшего на предмет переломов и обработать все раны. Умела Ната и шины накладывать, и швы. За этим к ней тоже шли, потому как в деревне даже фельдшера не было.

Глава 2

Савелий

– Зачем тебе лететь самому, сын? Отправь нарочного...

– Пап, хочу развеяться. Кроме того, техника не должна простаивать, ты знаешь. Да и что со мной будет? У меня же полетов уже больше, чем у первогоклассного пилота пассажирского лайнера.

- Не нравится мне эта затея. Не нравится, и все тут!

- Все нормально, пап...

Почему-то именно эта часть разговора с отцом вспомнилась Савелию, когда двигатель заревел ни с того ни с сего и сразу же вспыхнул, как пакля в факеле. Только и успел сообщить диспетчеру о неисправности, как начал стремительно терять высоту. Сбить пламя не получилось, самолет потерял управление и не слушался его. Под ним простирался лес, и верхушки сосен стремительно приближались.

«Ну вот и все, отлетелся ты, дружок», - мелькнула паническая мысль. Все произошло так быстро, что даже страх не успел зародиться. А потом последовал удар и боль, после чего наступила темнота. Нет, кое-что еще сохранилось в памяти - стойкое ощущение, что все еще жив. Тому способствовала боль, которая накатывала каждый раз, стоило только Савелию вынырнуть из того темного, во что сразу же проваливался снова.

- Пей, не упрямясь. Это поможет не терять сознание...

К губам прижалось что-то холодное, от чего по телу прокатилась противная дрожь. Савелию казалось, что он замерзает, сидя по шею в сугробе и не имея возможности из него выбраться. Руки, ноги немели, и каждый глоток воздуха рождал дрожь.

- Потерпи немного. Нужно сбить жар хоть на градус. Потом начнет действовать лекарство. Знаю, что холодно...

Кто это говорит? Голос женский и довольно приятный. Он все еще жив? Или это в раю так холодно? А почему, собственно, он решил, что попал в рай? Кажется, таким как он самое место в аду. Вот и Алина пожелала ему не так давно гореть именно там. Но когда горят, так отчаянно не мерзнут. И наверное, нужно попробовать открыть глаза.

Савелий сделал усилие, размыкая веки, которые, казалось, примерзли к главному яблоку. Сначала ничего не получилось разобрать – все тонуло в дымчатом полумраке. Но потом он различил лицо. Женское. Только сообразить ничего не успел, как кожу снова обожгло холодом.

– Так. Ну все, хватит с тебя... – пробормотал все тот же голос. – А то еще окочуришься тут у меня. Нужно измерить температуру, – теперь и подмышку ему сунули что-то холодное, крепко прижав рукой.

Термометр. Кто-то пытается его лечить. Эти мысли стали наиболее осознанными, и кажется, сознание на этот раз не спешило уплывать от него.

Савелий снова напряг зрение. Получилось увидеть лицо отчетливее. Она молодая и курносая. А еще почему-то злая и растрепанная. И движения ее далеко не ласковые. Ладно хоть эту мокрую холодную тряпку с него сняла. Стало чуточку теплее.

– Тридцать восемь с половиной. Будем считать, что нормальная. Чего смотришь?! – еще и прикрикнула на него, встретившись с ним взглядом. – Умереть тебе не дам и не мечтай, хоть ты этого и заслужил, – с этими словами злая женская мордашка исчезла из поля зрения Савелия.

Что он ей такого сделал, что даже возможную смерть его оправдывает? Нет уж, раз выжил, то теперь будет бороться. А она симпатичная, даже лохматая и злая. Но не в его вкусе – слишком простая, деревенская какая-то.

Когда на тело его опустилось что-то сухое и невесомое, а еще пахнущее чистотой и свежестью, Савелий снова позволил себе закрыть глаза.

– Не притворяйся мертвым! – тут же нарушил нирвану злобный голос. – Сейчас уколы буду делать. Ворочать тебя у меня не осталось сил. Так что, сам, давай, подставляй мне задницу.

– Злюка! – получилось выговорить.

– Что?! Что ты сказал? – склонилась над ним девушка.

В нос ударил запах полевых трав и цветов, а глаза встретились с колючими и зелеными. Она еще и ведьма.

– Злюка! – повторил Савелий.

– Надо было бросить тебя умирать в лесу, – скривила она полноватые губы в улыбке. – Мне же меньше хлопот... Поворачивайся, кому говорю. Хватит умирать, раз родился в рубахе. Кроме порезов да синяков на тебе ничего, даже вывиха не нашла.

Она снова исчезла из поля зрения, а Савелий попробовал повернуться набок. Малейшее движение отдавалось болью во всем теле. Казалось, что ни единой целой кости у него не осталось. Но если верить этой злюке, то все они целы. Так чего же он расклеился словно кисейная барышня?

Повернуться получилось, но на это ушли все силы, и он снова едва не потерял сознание. Голова еще долго кружилась, и без того расплывчатые очертания комнаты крутились перед глазами.

Его самолет потерпел крушение. Сам он чудом выжил, и за свое спасение должен благодарить эту злую незнакомку. Все это Савелий отчетливо осознал, как и помнил все до мельчайших подробностей, кроме той части, как оказался в этом доме. Одного не мог понять – что случилось с самолетом, отчего загорелся двигатель? Но с этим он разберется потом. Сначала нужно все до конца осознать.

– Так! Вколю тебе тройчатку – это собьет жар и усыпит тебя. Еще антибиотик, чтоб заражения крови не заработал. А потом, усни уже, пожалуйста, и позволь мне заняться своими делами.

Он бы ей ответил, если бы позволили силы. Во рту поселилась Сахара, а губы и язык отказывались подчиняться. Да и глаза с трудом получалось держать открытыми. Ладно, если доживет до завтра, то завтра и выскажет ей все. А пока... Черт! Больно-то как! Это не укол, а орудие пыток. Хорошо, если задница не отвалится, а вместе с ней и нога.

– Теперь спи! – накрыла она его снова простыней. – Пока так, укрою потеплее, когда спадет температура...

Она выключила свет в комнате и тихо прикрыла за собой дверь. По воздуху она что ли выплыла – шагов Савелий не разобрал. Но без нее и в темноте было как-то спокойнее. Еще бы задница так не болела.

Засыпая, он вспомнил разговор с начальником охраны.

– До меня дошли слухи, что твоим отцом интересуются теневые личности. Кому-то он перешел дорогу. Не знаешь, кому?

– Понятия не имею. А что за слухи?

– Якобы, увел он у кого-то крупного клиента, подослав к тому своего шпиона.

– Первый раз слышу. У кого?

– Рогожин. Слышал о таком?

– Фамилия знакомая...

– Крупный заводоладелец. Бизнес строил еще в лихие девяностые, на грязных деньгах, как сам понимаешь.

– И что? Он угрожает отцу?

– Пока нет, да и сам Рогожин не будет светиться, но ухо нужно держать востро...

Почему он вспомнил об этом сейчас? Не потому ли, что считал свой самолет Титаником? Да он в него столько денег вкладывал, самые лучшие детали покупал, из-за границы выписывал... Не мог двигатель просто так взять и загореться. Но об этом он тоже подумает завтра.

Глава 3

Натали

Свалился же на ее голову! – с этой мыслью Ната и проснулась, когда из деревни донесся крик самого раннего петуха. Она привыкла вставать с рассветом. А поздней весной и летом особенно любила это дело. Нет ничего лучше теплого солнечного утра, пусть даже солнце пока и едва раскрасило горизонт.

Спала она мало и плохо сегодня. Сначала ждала, когда у Мамонтова спадет жар, потом еще несколько раз вставала и проверяла, не окочурился ли он в ее кровати, которую вынуждена была уступить. Ну не на диване же его размещать. Да и ей же спокойнее, если будет он лежать в спальне, скрытый не только от посторонних глаз, но и от ее тоже. Не станет лишней раз мозолить глаза, ведь гостиная – это то место, где она занимается всем. Его тут только и не хватало! Да и не только тут, а в ее доме вообще. И не только в доме, а и в жизни тоже.

Первым делом, несмотря на злость, она заглянула к больному. От двери ничего рассмотреть не получилось, вынуждена была приблизиться к кровати. Мамонтов спал, закутавшись в одеяло словно в кокон. Наверное, его нешуточно штормило ночью. А сейчас по крупным каплям пота на лбу Ната поняла, что температура спала. Уже хорошо, дело пошло на лад. Ладно, пусть спит пока, хоть и больше всего ей хотелось вколоть антибиотик в его сонную задницу. Но она же не садистка – вот проснется, тогда и вколет со всем пристрастием. А пока нужно заняться завтраком. Каким бы нежеланным этот мужчина не был в ее доме, а кормить его стоит ради себя же хотя бы. Быстрее поправится, быстрее свалит из ее жизни.

Ната поставила вариться курицу и отправилась на огород. Земля уже окончательно просохла, и какое-то время, пока еще было слишком рано, Ната занималась прополкой. Ну а потом отправилась заправлять бульон и варить яйца.

Около девяти она входила в спальню с подносом, неся больному целительный бульон с отварным яйцом. Он все еще продолжал спать, и Ната ни за что бы не стала его будить, облегчая тем самым жизнь прежде всего себе, если бы не антибиотик, который уже пора было колоть.

Первая мысль была гаркнуть ему прямо на ухо «Рота подъем!» Что б перепугался так, как никогда еще не пугался. Но ее Ната отбросила – выглядело бы это неадекватно, да кто знает, может у него сердце слабое.

Поставив поднос на тумбочку, она немного порассматривала спящего мужчину. Сейчас он разметался на спине и уже не кутался в одеяло. Лицо казалось ей довольно симпатичным, хоть и грубоватым. Черты все были крупные, чисто мужские, скулы широкие и острые. Мощная шея с выступающим кадыком. Широкие плечи... Дальше она не стала анализировать комплекцию мужчины, хоть и видела его вчера полностью обнаженным, когда раздевала и укладывала в постель. Каких ей это стоило трудов, даже вспоминать не хотелось. Да и с этой стороны он ее не интересует. Да он вообще ее не интересует и даже напротив – хочется избавиться от него как можно скорее. Он враг, а врагам в ее доме не место!

– Пора вставать, – прикоснулась она к его плечу.

Веки Мамонтова дрогнули и медленно поднялись. Мутный спросонья взгляд скользнул по комнате и остановился на ней. Мелькнуло узнавание, и сразу же он снова прикрыл глаза.

– Ну я тоже не могу сказать, что рада тебя видеть, – пробормотала Ната, берясь за подушку. – Однако, надо есть. Потом укол... Возиться с тобой мне тут некогда, да и не хочется. Так что, давай-ка для начала устроим тебя полусидя...

Мамонтов снова открыл глаза и дал поднять подушку. А потом проговорил:

– Что я тебе сделал, что ты такая злющая? Или до такой степени не любишь спасать людей?

– Людей я спасаю постоянно, если уж на то пошло, но к тебе это не имеет отношения. И давай не тратить силы и время на болтовню. Ты открываешь рот, а я тебя кормлю!

– Да ты просто черт в юбке, если не хуже, – усмехнулся Мамонтов. – Ладно, не всегда же я буду таким слабым...

Это был намек? Интересно на что? Да как только он окрепнет немного, так сразу же пусть выметается отсюда. А еще лучше сделать это пораньше. Вот сейчас покормит его и займется делом.

- Не горячий? – поднесла она ложку с бульоном к губам Мамонтова.

- А ты разве не мечтаешь ошпарить меня? – с опаской пригубил он ложку.

- Делать мне больше нечего! – фыркнула Ната. – Соли достаточно? – тут же поинтересовалась.

- Нормально, – вяло отозвался мужчина. – Appetita только нет.

- Значит, ешь без аппетита. Антибиотик нужно делать после еды.

- Сатрап! – вздохнул Мамонтов, но рот стал открывать послушнее и вовремя. И на том спасибо.

Как только скормила ему последнюю ложку бульона, так сразу же взяла шприц с тумбочки, который приготовила заранее.

- Ну а теперь десерт! – кровожадно оповестила Ната.

Савелий

Есть симпатичные женщины, есть настоящие красавицы. Иногда их еще называют спящими. Встречаются прекрасные незнакомки, что одним своим взглядом могут разморозить ледяное сердце. И даже несимпатичные внешне женщины могут оказаться нежными и прекрасными в душе, подкупая мужчин этими качествами, заставляя терять из-за них голову. Перед ним же стояла настоящая фурия со шприцем в руке. Красивая до боли в глазах и жестокая до глубины души. И смотрела она на него так, словно не шприц держала, а тесак, которым мечтала покрошить его на мелкие кусочки.

- И?.. Долго будем играть в гляделки? Мне нужен ваш зад, сэр, – растянула она идеальной формы и толщины губы в ехидной усмешке.

Если бы Савелий не мечтал как можно скорее окрепнуть и встать с кровати, ни за что бы не позволил ей колоть себя. Но он четко осознавал, что лучше антибиотиков ничто не справится с поставленной задачей. И была еще одна причина, которая пока даже в его голове не созрела окончательно.

- Это больно, ты знаешь? - перевернулся Савелий набок, но не спешил откидывать одеяло.

- Догадываюсь, - кивнула она.

- Можно хотя бы вводить лекарство помедленнее?

- Ввожу как положено, - сурово сжала она губы.

- Ну а в качестве исключения?

- Да, было бы для кого!.. Заголяйся уже, не тяни мое время! Потерпишь...

Деваться было некуда, и Савелий откинул одеяло. В ожидании боли даже зажмурил глаза. Но на этот раз все прошло куда как глаже, на удивление. Укол поучился если и болезненным, так самую малость.

- Умеешь, когда хочешь, - проговорил он, прижимая ватку рукой.

Девушка не сочла нужным отвечать, лишь бросила на него характерный взгляд, мол, а ты сомневался? И тут Савелий сообразил, что даже имени ее не знает.

- Как тебя зовут, хоть?

- Для тебя Натали, - не поворачиваясь, сообщила она.

- А для других?

- Неважно!

– А ты со всеми так грубо разговариваешь?

– Нет, только с тобой, – повернулась она, всем своим видом говоря, что пояснять и этот ответ не собирается.

Ну и Савелий для себя тогда решил, что правды в нем нет, и эта девушка просто хамка по жизни. Но как бы там ни было, эта хамка спасла его жизнь, а значит, он ей теперь обязан.

– Слушай, у меня дел куча, а я тут с тобой время трачу, – словно спохватилась она. – Нужно сообщить о тебе... родным или кому-то еще. Говори номер, позвоню. Или можешь сам позвонить с моего телефона. Как хочешь... – достала она из кармана кофты мобильный.

– А вот этого делать не надо!

Вчерашние мысли были наполовину бредовые, вызванные лихорадкой во всем теле. Но под утро Савелий несколько раз просыпался, хоть и испытывая слабость, но чувствуя себя уже гораздо лучше. А главное, голова была ясной, и мысли работали в правильном направлении. Так вот, факт крушения самолета все больше ему не нравился. В конечном итоге он пришел к выводу, что за этим кто-то стоит. Ну и разговор с начальником охраны не шел из головы, как и фамилия Рогожин. Похоже, на какое-то время ему придется залечь на дно, до выяснения всех обстоятельств.

– Что, не надо? – не поняла Натали (кстати, имя у нее очень красивое и редкое).

– Никому не надо звонить и сообщать.

– Что за глупости?! – тут же возмутилась девушка. – Обязательно надо! Как только ты окрепнешь, так сразу же пусть кто-нибудь за тобой приезжает и забирает отсюда. Я тебе не нянька...

– Нельзя мне сейчас светиться, понимаешь? – вздохнул Савелий, осознавая, что степень непонятной неприязни к нему этой девушки велика, и действовать придется уговорами. – Аварию подстроили. Меня, скорее всего, хотели убить. Ну и как ты думаешь, как быстро они захотят это сделать снова, узнав, что я жив?

– Убить? – опешила она, но совсем ненадолго. – Даже если и так, то меня это точно не касается! – тут же еще решительнее проговорила. – Участвовать в бандитских разборках точно не собираюсь. Так, будешь ты звонить или нет? Учти, я могу это сделать сама, куда звонить знаю.

– Откуда?

– На твое несчастье, видела про тебя передачу по телевизору. Ищут тебя уже по всей стране с собаками.

Черт! Это только осложняет дело. Но удивляться тут нечему. Узнав об аварии, отец сейчас разовьет бурную деятельность с привлечением всех кого можно. Тем более, лучше этого места, чтобы спрятаться, и не придумаешь.

– Натали, назови любую цену за твое молчание. Позволь мне какое-то время переждать у тебя, пока все не выясню. Обещаю, потом я сразу уйду, и ты обо мне больше ничего не узнаешь.

– Да, не нужны мне твой деньги! Как видишь, у меня все есть! – гордо обвела она глазами комнату.

Да уж... Если все – это старая мебель и отсутствие ремонта, то у нее действительно это есть. Понятия не имеет, чем она занимается, зарабатывая на жизнь, но живет эта Натали явно небогато.

– Не хочешь денег, не надо, хоть я и обязан буду тебе заплатить за лечение и постой. Но что-то же ты хочешь? Вот это и проси смело!

Натали задумалась, а потом решительно произнесла.

– Хорошо! Можешь остаться на какое-то время.

– И ты никому про меня не скажешь? – уточнил Савелий важный для себя момент.

– Не скажу, – с неохотой отозвалась она. – Но и ты тогда не высовывайся. Я хоть и живу на отшибе, но люди ко мне ходят часто.

– Договорились, – улыбнулся Савелий.

– Ну а должок ты потом мне вернешь с процентами, – посмотрела она ему прямо в глаза, да так, что по телу невольно пробежала дрожь.

После этого Натали развернулась и покинула комнату, плотно прикрыв за собой дверь. Что-то с ней, все же, не то, – решил для себя Савелий. – А значит, и это ему придется выяснить.

Глава 4

Натали

«Но что-то же ты хочешь?» – не шло у Наты из головы. О! Еще как хочет – поквитаться со всем твоим родом! Отомстить! И теперь, когда позволила ему скрываться в ее доме какое-то время, нужно как следует подумать, как воспользоваться этим в собственных интересах. Ну а пока... пока она будет его лечить и кормить. Не больше того! Ни развлекать, ни ублажать как-то еще не собирается. Досуг свой точно пусть сам организует, не путаясь у нее под ногами и не высовывая носа из дому.

Все! Хватит забивать себе мысли ерундой, когда у нее столько работы. Пора пополнить запас крема, который вчера так нахваливала Верка. Ведь уже на все село растрещала, а в запасе не осталось ничего.

Поставив выпариваться соцветия ромашки, Ната занялась смешиванием остальных ингредиентов для «чуда-крема», каким тот назвала Вера. Основу она специально заказывала на одном сайте – общую для всех целебных кремов и в больших количествах. Получала на почте раз в три месяца. Ну а дальше уже начиналось ее собственное шаманство, как она про себя шутила. На самом деле, никакого колдовства там и в помине не было. Просто она отлично знала свойства всех трав, произрастающих в этой местности, и умело их использовала на благо людям. Вот и мазь от ревматизма подошла к концу, а на днях за ней пожалует внучка бабы Маши. Значит, и ее ей тоже следует приготовить. А еще ее ждала крапива, которой вчера нарвала много. Если сегодня не пустить ту в дело,

завтра она уже будет негодной. И придется идти за новой. А все этот... Мамонтов! Все планы спутал, влез в ее жизнь.

Ната так увлеклась любимым занятием, что привычно забыла о времени. Как и о своем пациенте умудрилась тоже забыть. Потому, даже испугалась, когда дверь в спальню распахнулась, и на пороге появился Мамонтов. И в следующий момент она рассмеялась, чего даже сама от себя не ожидала. Но посмеяться там было над чем. Представьте себе взлохмаченного и свирепого бога древней Греции. Да, именно такого с первого взгляда напомнил ей Мамонтов – обмотанный простыней на манер хитона. Вон, аж драпировку умудрился пустить с плеча. А глаза-то, глаза... того и гляди начнет метать молнии. Только божественного посоха и не хватает. Разве что, бледный он слишком для бога то. Но и бледность можно отнести к аристократической.

– Извини, что не смеюсь вместе с тобой. Боюсь не сдержаться, – нахмурился Мамонтов.

И только тут Ната подметила, что выглядит он несколько напряженным. Собственно, ей тоже уже смеяться расхотелось.

– Могу я поинтересоваться, где моя одежда?

– Можешь, – кивнула она, возвращаясь к прерванному занятию. В данный момент она толкла в ступке семена укропа для укропной настойки. – Превратилась в прах.

– В каком смысле? – пошел он на нее, и Ната бросила на него предупредительный взгляд, выставив перед собой деревянный пестик, которым и толкла семена. Не остановится, воспользуется им как оружием.

– В самом прямом. Я ее сожгла. Стирать тебе и штопать не собираюсь, сам понимаешь.

– А в чем же мне теперь ходить? И где у тебя туалет? – вдруг на глазах из наглого и напористого превратился Мамонтов в крайне растерянного.

Тут Ната поняла причину его напряженности и еле сдержалась от нового приступа смеха.

– На дворе. От крыльца направо, не ошибешься, – позволила она себе усмехнуться, испытав приступ злорадства, которому не обрадовалась.

– Черт! – выругался он, но продолжать не стал.

Видимо, решил не тратить на это силы. Да и поджимало его неслабо – вон как засеменял к двери мелкими перебежками. Ната снова с трудом сдерживала смех, наблюдая за ним исподтишка. Мамонтов же тихо ругался и бубнил что-то на тему, что спасибо хоть кроссовки не сожгла, торопливо обувая те и путаясь в собственных же ногах.

Когда он выскочил за дверь, Ната не удержалась и приблизилась к окну. К туалету он перебирал ногами еще быстрее. При этом, статная мужская фигура, обмотанная белой простыней, не переставала напоминать ей греческого бога. Бог, спешащий в туалет. Эта мысль добила окончательно, и она аж согнулась пополам, давась смехом. Давно она так не веселилась, еще бы от злорадства как-то избавиться.

Но вопрос ей Мамонтов задал правомерный. Раз уж лишила его одежды, хоть и была та вся драная и грязная, значит, обязана дать что-то взамен. Благо, на этот случай у нее сохранилась одежда отца. Не много – только то, что оставила себе на память. Правда, ростом отец был поменьше Мамонтова, но зато в плечах примерно такой же, как и в обхвате.

Пока гость отсутствовал, Ната достала из шкафа льняные штаны и просторную рубаху. Вещи развесила на стуле и вернулась к своим занятиям.

Вернулся Мамонтов изрядно подобревший, хоть и с явной брезгливостью на лице.

– И как ты так живешь? – вразвалочку приблизился к столу.

Ната как раз разливала по бутылочкам огуречный лосьон собственного изготовления. На него у нее тоже был постоянный спрос. А много впрок не

заготовишь, потому как срок годности у лосьона этого небольшой. Потому и емкость она подобрала для него мелкокалиберную. Ну и делать его приходилось часто. Зато лицо после него было чистое и шелковистое.

- Как, так? - поинтересовалась Ната, не глядя на гостя.

- Ну... с такой уборной. А зимой как справляешься?

- Тебя интересуют подробности? - бросила на него насмешливый взгляд. - Как-то справляюсь, - пожала плечами.

Что и тебе придется делать, милоч. Но в душе Ната была уязвлена его тоном и, в особенности, выражением лица. Она и сама не раз подумывала, что надо бы сделать к дому пристройку. Но удаленность от всех остальных домов и центральной канализации делало эту задачу слишком дорогостоящей. Потому и откладывала до лучших времен.

- Это мне? - кивнул он на вещи на стуле.

- Тебе, - равнодушно отозвалась Ната, радуясь в душе тому, что почти все запланированное на сегодня сделала. Можно вечером наведаться к Вере и снести ей товар на продажу.

Мамонтов забрал со стула одежду и скрылся в спальне. Только Ната решила, что там он и останется, как он вернулся. Одежда отца на нем сидела почти идеально, разве что, брюки были чуточку коротковаты. Но и с этим он ловко справился, еще и подкатав те. Подлецу все к лицу, - решила Ната, не удостоив его и дальнейшего разглядывания. Как и от комментариев отказалась.

- А ты местный алхимик, что ли? - рассматривал он пузырьки и колбочки, аккуратно составленные на столе.

- Я ведьма, сам же сказал. Вот и колдую потихоньку - травы заговариваю, да яды изготавливаю. А будешь плохо вести себя, и тебе подсыплю чего-нибудь.

Проговорив все это, Ната принялась преспокойно складывать баночки-скляночки в походную сумку-саквояж, чтобы вечером отправиться с той к Вере. Осталась

только крапива...

- А это что? - кивнул Мамонтов на тазик, полный этой травы.

- А ты отгадай, - усмехнулась Ната.

- Трава какая-то... Ай! Зараза такая! - завопил он, отдергивая руку, которую умудрился чуть ли не по локоть сунуть в таз.

Ната и сообразить-то ничего не успела. Да она и подумать не могла, что кто-то может не знать, как выглядит крапива.

- Что это за дрянь? - тряс обожженной рукой Мамонтов и возмущенно пыхтел на Нату. - Она ядовитая?..

Ната даже растерялась в первый момент, видя столь неподдельное возмущение. Не сразу нашлась, что можно ответить.

- Да это... Ты что, никогда раньше не обжигался крапивой? В детстве... в деревне или когда воровал яблоки у соседа?

- Какая еще деревня?! Я в городе вырос... Так это крапива? - воззрился Мамонтов на траву так, словно заимел персонального врага.

- Ну да. Если бы не она, я бы и тебя вчера не нашла!

Нате даже стало обидно за ни в чем неповинную траву. А злость Мамонтова снова породила в ней нездоровое чувство удовлетворенности. Реакция на этого мужчину раздражала ее саму. Такое поведение ей раньше не было свойственно. И действовал он на нее как сильнейший раздражитель.

- Ну знаешь!.. - еще сильнее запыхтел он, обхватив руку и прижав к себе так, как будто ту изрешетило пулями. - Предупреждать надо о такой гадости! И вообще... я есть хочу! - вдруг с вызовом заявил.

Это стало последней каплей. Ната уперла руки в бока, выпрямила спину и посмотрела прямо в наглые мужские глаза.

– Я тебе тут не кухарка. Хочешь есть, иди и готовь себе сам. Вижу, ты уже в состоянии это сделать. А у меня дела, как видишь. И не мешай мне, пожалуйста! – гаркнула она.

– И пойду!

– Вот и иди! Кухня там, – кивнула она на дверь.

Когда Мамонтов, посверлив ее напоследок возмущенным взглядом, скрылся в кухне, Ната усилием воли заставила себя успокоиться. Что с дурака взять?.. Крапивы он раньше не видел, – хмыкнула она. Поделом ему, – тут же решила и занялась травой-обидчицей.

Глава 5

Савелий

– Яблоки воровать у соседа... Делать мне больше нечего!

У его соседей и яблонь-то не было, одни газоны. Правда, у одного соседа росла настоящая сакура, пока не загнулась в не своем климате. Да и были бы яблони – зачем воровать, когда можно купить? Хорошенькое же у нее было детство!..

Размышляя таким образом, Савелий вошел в кухню. Первое, чему порадовался, была нормальная, хоть и старенькая, плита. К тому же, чистая, белая. Почему-то он надеялся увидеть дореволюционную буржуйку с ржавой трубой, выставленной в окно. А тут... В общем-то, кухня, как кухня. Тесновата, со старенькими шкафчиками, никакой техники, даже микроволновки нет. И газовый баллон рядом с плитой. Но кругом царит чистота. Если бы еще не пучки трав, развешанные повсюду.

– Точно, ведьма, – пробормотал Савелий, подходя к холодильнику. – Так. И что мы имеем? – распахнул дверцы и придирчиво уставился на внутренности. – Н-да... негусто.

Он, действительно, хотел есть. После бульона, который заглотил без намека на аппетит, прошла уйма времени. Может, некоторым и хватало такой еды на целый день, но точно не ему. Кроме того, выздоравливающий организм требует дополнительных резервов. А о себе он сейчас с уверенностью мог сказать, что быстро идет на поправку. Раны на теле не доставляли дискомфорта.

Температура сегодня не поднималась, да и скорее всего, стала реакцией на нешуточный стресс, не более. Жить дальше ему точно хотелось и не хуже, чем раньше. А потому, следует подкрепиться хорошенько. И так уж и быть, позаботится он не только о себе, но и той зеленоглазой злюке, что колдовала над противной крапивой в соседней комнате. Он не жадный и не вредный, в отличие от некоторых.

В морозилке обнаружился довольно симпатичный кусок свинины, который Савелий сразу же поместил в горячую воду, чтобы разморозился быстро. С водой, кстати, тут тоже была засада. Центральным водопроводом и не пахло. Колонки тоже не было. Воду пришлось греть в чайнике. Как так можно жить, Савелий пока задумываться не стал. Как и вспоминать лишний раз уборную во дворе тоже не хотелось. На нет и суда нет, – трезво рассудил он, раз уж на какое-то время ему придется жить в неудобствах.

Картофель имелся, хоть и изрядно проросший и местами позеленевший. Лук он нашел в духовом шкафу, тоже проросший. Достал из холодильника яйца и молоко (настоящее, в трехлитровой банке, с солидным пластом сливок сверху). Что еще?.. Ах, да! Сода! Ее он нашел в одном из навесных шкафчиков. Ну и мука, благо, она тоже имелась.

Несмотря на приходящую в его дом кухарку, иногда Савелий любил кашеварить сам. Это шло из детства, когда по рецептам из кулинарных книг он пек торты или пироги. Ну нравилось ему это делать, хоть во взрослой жизни времени катастрофически не хватало. И ему нравилась реакция дам, когда те узнавали, что изысканное блюдо, предложенное им, он приготовил сам. Зеленоглазую Натали ему удивлять не хотелось точно, но что-то нужно было есть, и почему бы этим чем-то не стать пирогом с картофелем и свининой, быстрому в приготовлении.

Пока нарезал и смешивал начинку, мысли не переставали крутиться в голове. И подумать ему было о чем.

Катастрофа подстроена – чем больше об этом Савелий думал, тем крепче становилась уверенность. Кем? На этот вопрос у него пока нет ответа.

Его уже активно ищут, и совсем скоро обнаружат останки самолета. А это значит, что радиус поисков резко сузится. О чем это говорит? О том, что в дом Натали могут заявиться гости по его душу. Что ему нужно предпринять? Заручиться ее молчанием и сидеть тише воды ниже травы.

Сколько ему придется прятаться? Вопрос еще тот, на который тоже нет ответа. О том, что он выжил, должны знать только отец и Денис – начальник его охраны и человек, которому он доверяет даже больше, чем самому себе. Вот с ним-то и необходимо связаться в первую очередь. Но и с этим делом он торопиться не должен – надо все как следует обдумать. Позвонить можно с телефона Натали, номер Дениса он помнит. Как и отца... Стоит ли звонить самому, или попросить это сделать Натали? Чтобы жить тут какое-то время, ему нужны деньги. Не может же он сесть на хрупкую девичью шею. Ладно, не такую уж и хрупкую, но все же.

Залив начинку жидким тестом, Савелий поместил противень в разогретый духовой шкаф и уселся на табурет ждать, терзаемый муками все возрастающего голода.

Какая же глушь! – с тоской посмотрел он в окно, выходящее на довольно ухоженный, хоть и совсем крохотных огород за домом. Крохотный то крохотных, но имелась в нем даже маленькая тепличка. Наверное, помидоры, из которых он нарезал салат, выращены там. И зелень тоже, поди, своя. Если бы Натали не была такой злюкой и не огрызалась на каждое его слово, пожалуй, воздал бы ей должное. А вообще, лучше им поменьше пересекаться, пока не заработали взаимную аллергию друг на друга.

– Чем это пахнет? – распахнулась дверь в кухню и вошла та, вокруг которой и крутились далеко невеселые мысли Савелия.

– Пирогом, – окинул он ее взглядом, подмечая, что она успела переодеться и причесаться. Собирается, что ли, куда-то?

– А ты и готовить умеешь? – насмешливо изогнула она брови.

– Представь себе, – буркнул Савелий, чувствуя, что состояние его приближается к границе потери сознания от аппетитных запахов и голода. – Много ума не надо.

– Ну не скажи... – протянула она, заглядывая в духовку через стекло. – Ух ты! И с чем пирог?

– С мясом и картофелем.

– Супер! – потерла она руки. – А меня угостишь?

С чего это такие перемены в настроении? На свидание она, что ли собирается?

– Ешь, мне не жалко, – отвернулся он снова к окну.

– А долго еще?..

– А ты торопишься, что ли? – резко повернулся Савелий и успел заметить, как она прямо пальцами схватила ломтик помидоры из салата. Сунула в рот и, кажется, покраснела. Ему же вдруг смешно стало. И в голове зародился вопрос, а сколько ей, собственно, лет? Ладно, выяснит это позже.

– Мне нужно в деревню смотаться. Хочу управиться до темноты, – быстро вернула она себе привычное выражение лица – самоуверенное и немного высокомерное.

– Тогда, давай есть. Думаю, пирог уже готов, – встал Савелий со стула и надел рукавицы. А потом ловко достал противень из духовки и водрузил в центр стола.

– Выглядит аппетитно! – снова потерла Натали ладошки.

Как ребенок, честное слово.

– Угощайся, – поставил Савелий перед ней тарелку с большим куском пирога и протянул вилку.

Прежде чем отломить кусочек, Натали понюхала содержимое тарелки.

- Не волнуйся, не отравлено, - усмехнулся Савелий. - Я не злопамятный.

Ответом ему послужил странный и даже напряженный взгляд, смысл которого остался не ясен.

- Было бы за что мстить. Не за крапиву же, - усмехнулась она и положила кусочек пирога в рот. - М-м-м!.. С ума сойти, как вкусно, - аж глаза прикрыла от удовольствия.

Не известно почему, но подобная похвала пришлась Савелию по душе. Но уже в следующий момент он временно забыл обо всем, поглощая свою порцию пирога и закусывая все это ароматным салатом, заправленным пахучим подсолнечным маслом. К разговору вернулся, когда прикончил первый кусок и отрезал себе добавки.

- А ты живешь тут одна?

Странно, что не поинтересовался этим раньше. Хотя, вчера ему точно было не до разговоров.

- Одна. Уже три года, как умер отец, - кивнула Натали.

Так просто она об этом сказала, словно жить на отшибе, у самой кромки леса - обычное дело.

- И не страшно тебе?

- А чего бояться? Зверей? Так они первые не нападают, в отличие от людей, - тише добавила. - Да и здесь мне с детства все знакомо.

А она храбрая, хоть это открытие и не делает ее характер более мягким.

- А имя у тебя откуда такое странное? Не русское.

– От мамы. Она была итальянкой.

По всей видимости, мама у нее тоже умерла и уже давно. Ответила на вопрос Натали без охоты, и Савелий понял, что не нужно и дальше развивать эту тему.

– А в травах откуда так хорошо разбираешься? – вспомнил он, чем она занималась сегодня.

– От бабушки. Она была местной травницей и меня всему научила, – улыбнулась своим воспоминаниям Натали. – Травы меня кормят, – прямо посмотрела на Савелия.

Ответ, достойный уважения. Только вот, не сильно богато она живет. Даже бедно по общепринятым меркам. Неужели и к такому можно привыкнуть и не хотеть ничего поменять в жизни?

Савелий, наверное, и дальше бы задавал ей вопросы, поняв, что подробности жизни Натали его живо заинтересовали, но она не позволила. Встав и убрав тарелку в раковину, Натали проговорила:

– Спасибо за пирог! Я пошла, дел куча. А ты... лучше не высовывайся, раз уж решил тут отсидеться.

Ну вот, снова стала стервочкой. На последнюю ее фразу Савелий решил не отвечать, да и слушать его Натали не собиралась. Ополоснув руки над тазом, она гордо покинула кухню. Вскоре он услышал, как хлопнула входная дверь. И тут же встал насущный вопрос – а ему-то чем можно заняться, чтобы скоротать время?

Глава 6

Натали

– Кать!.. Сядь на кассу. Натка товар принесла! – гаркнула Вера на весь магазин, невзирая на небольшую очередь, когда Ната появилась в дверях с сумкой через

плечо.

- Ната, привет! - неслась уже к ним Катя, размахивая руками. - В ты мне мазь от отеков принесла?

- Принесла, - улыбнулась Ната.

- Наточка, а масло для компрессов по моему заказу?.. - поинтересовалась из очереди тетя Кира, у которой Ната регулярно брала молоко, творог и масло.

- Сделала масло, тетя Кир, - заверила ее Ната.

- А?.. - заикнулся было кто-то еще, но продолжить тому не позволила Вера.

- Ша, народ! - подняла она руку. - Все тут, - похлопала по сумке. - Выдача сегодня и завтра вечером, как заведено. Не устраивайте базар в супермаркете. Нат, пошли в подсобку! - скомандовала и первая двинулась вперед, виляя бедрами, обтянутыми форменным халатом.

Командирша, - посмеивалась про себя Ната. Вера ей здорово помогала, реализовывая товар. Из-за удаленности жилья к ней не находишься. Сама она тоже не могла разносить заказы так часто, как требовалось. Путь от ее дома до деревни занимал много времени. Да потом еще по адресам проходить. Так ни на что другое этого времени не останется. А с Вериной помощью дело спорилось быстрее. Подруга и заказы для нее принимала. Ну и Вера чаще других приходила к Нате.

- Приступим, - вооружилась Вера ручкой и листом бумаги.

Подход у подруги к делу тоже был серьезный. Каждый раз, как Ната приносила ей товар, она составляла опись. По этой же описи потом сдавала ей выручку. И сколько Ната ни уговаривала ее брать себе хотя бы символический процент за услуги посредника, не соглашалась ни в какую. А когда Ната настаивала, так еще и обижалась. И тогда Ната решила благодарить ее небольшими подарками собственного производства.

– Все, послезавтра жди денег, – убрала Вера опись в сумку и довольно откинулась на спинку стула. – Может, по чайку? – воровато посмотрела она на дверь.

Вечернее время они тоже выбрали не зря. Управляющая магазином уходила домой в пять, и после этого наступало относительное спокойствие. Днем же она с продавцов глаз не спускала, ругая за все подряд.

– Можно и по чайку, – согласилась Ната, поняв, что после сытного пирога с удовольствием бы промочила горло, чего не сделала дома.

А все этот Мамонтов виноват со своим пирогом! Вот уж удивил, так удивил. Она и подумать не могла, что мужчина его уровня способен что-то приготовить собственными руками, да еще и пирог. Она вообще не думала, что мужчинам это свойственно. Ее отец готовил, конечно, но по необходимости, когда не стало бабушки. До этого кухня была на ней, и те годы Ната вспоминает с особой теплотой. Вот и сегодня, почувствовав запах выпечки, первым делом вспомнила бабушку... Когда она подросла, то готовить стала сама. Только вот, и сейчас сильно не продвинулась в этом деле. А тут какой-то Мамонтов, да с таким-то пирогом. Она еле сдержалась сегодня, чтобы не положить себе добавки. Гордость не позволила. И без чая бежала из кухни поэтому же.

– Слушай, а ты про авиа катастрофу видела? – заговорила Вера на тему, которой Ната предпочла бы не касаться.

Сразу почувствовала напряжение внутри себя и как-то вся подобралась. Оставалось надеяться, что внешне она продолжала выглядеть расслабленной, как до этого.

– Не-а, не слышала, – тряхнула она головой и шумно прихлебнула из чашки.

– Ну ты даешь! Все каналы только об этом и трубят, – всплеснула руками Вера. – Ты хоть иногда телевизор смотри, а то совсем от жизни отстанешь.

– Некогда мне сидеть перед телевизором...

– Ну так вот, – пропустила ее реплику Вера мимо ушей. – На своем самолете разбился Савелий Мамонтов – какой-то там олигарх. Самого его не нашли, а вот обломки самолета обнаружены недалеко от нашей деревни, в лесу, представляешь! Что теперь будет!..

Вот как? Значит, нашли самолет, следа которого она не заметила рядом с Мамонтовым. Ну что ж, значит, пора ждать гостей. В их деревню ищайки наведаются первым делом, потому как одна она тут, да еще и на приличном расстоянии от ближайшего города. Дальше уже никаких деревень и в помине нет.

Все так, как и предсказывал Мамонтов. И как его прятать, скажите на милость? Он не горошина, которую можно засунуть под тот же матрас. Такого гиганта попробуй спрячь. Внезапная мысль осенила Нату. Осуществить ее она решила тут же, в супермаркете. Вот только закончит чаепитие...

– К нам идет цивилизация, подруга, – продолжала самозабвенно рассуждать Вера. – Скоро появятся важные городские люди. Будут ходить тут, всех опрашивать... Эх... – блаженно вздохнула она и прикрыла глаза. – Пусть ко мне зайдет один какой-нибудь красавчик. Молодой и богатый. Ну можно не сильно молодого, я и просто на богатого согласна, – тут же рассмеялась она. – Нат, ты меня вообще слушаешь?! – тут же возмутилась.

– Конечно, слушаю, – поймала себя Ната на том, что, размышляя, сосредоточенно хмурилась. – Только нет мне дела до всяких олигархов.

– И тебе не жалко человека, который, возможно, погиб?

– Ну... жалко, конечно, – смутилась Ната.

– Между прочим, он настоящий красавчик, – вздохнула Вера. – Такой генофонд... Жалко, если сгинул.

Ну генофонд там так себе. С виду ничего, а вот натура... Наследственность никто не отменял, а у Мамонтова она с гнильцой, точно.

– Слушай, а ты же вчера в лесу была. Ничего не видела? – задала Вера еще более нежеланный вопрос, хоть и вполне себе уместный.

– Ничего такого, чего не вижу обычно, – постаралась улыбнуться Ната как можно беспечнее. – И я вчера столько крапивы нарвала! – тут же попыталась увести разговор в другую сторону. – Сегодня вот обрабатывала полдня, – не к месту вспомнила, как Мамонтов сунул руку в эту коварную траву. Улыбка не заставила себя ждать, когда перед мысленным взором всплыло его испуганное и ошарашенное лицо. – Скоро получишь свою настойку для спринцевания...

– Ага, это хорошо! – кивнула Вера. Но, не сработало, нет. – Я вот думаю, может самой поспрашивать наших, не видел ли кто чего, не знает ли... И странно, все же, что ты ничего не слышала – ты же к месту крушения ближе всех живешь, – вгляделась подруга в глаза Наты, и та испугалась, уж не подозревает ли Вера чего.

– Вер, не слышала. Наверное, я музыку слушала. Ты же знаешь, как я врубаю.

– Знаю-знаю, не доорешься, – кивнула Вера. – Ладно, поиграю в сыщика! – довольно закончила. – Пора на пост, – тут же пригорюнилась. – Скорее бы уже домой.

Перед тем, как покинуть магазин, и пользуясь моментом, когда подруга занята, Ната прошла по промзоне супермаркета, осуществляя задуманное. На кассе пришлось самозабвенно врать, что купила она все это себе. Но задумываться над тем, поверила ей подруга или нет, Ната не стала. Пора было отправляться домой. На улице уже активно темнело, да и какое-то шестое чувство подгоняло ее.

Глава 7

Савелий

Итак, обломки его самолета нашли. Черный ящик извлекли и уже активно расшифровывают – в этом Савелий не сомневался.

Первым делом после ухода Наты он включил телевизор. Долго ждать не пришлось, и ближайший же выпуск новостей прояснил для него ситуацию. И новость о крушении его самолета была одной из самых кричащих, о ней вещали по всем каналам. Это тоже факт, хоть старый телевизор и ловил всего три, да и то с помехами. Но Савелию и этого было достаточно.

Как только картинка на экране телевизора пропала, так сразу же в доме повисла тишина. Не нарушал ее шум с проезжей части, стук каблуков по тротуару, человеческий говор... Почти как в его загородном доме, но там он бывал редко. Большую часть времени обитал в городской квартире и уже успел отвыкнуть от подобной тишины и умиротворенности. Как и без дела сидеть не привык.

Но чем тут можно заняться, в деревенской глуши, куда занесло его волею случая или судьбы? К тому же, лишний раз из дома лучше не выходить, а в уборную – красться задворками. И ему еще повезло, что травница эта живет у самого леса. Ходит тут мало кто, и достаточно проявлять максимум осторожности.

Уже начало смеркаться, когда Савелий решился на обход территории. Сидеть и дальше в доме без дела не мог. Слоняться по дому тоже желания не было. Да и интересного тут не было ровным счетом ничего – не на пучки же трав любоваться.

С фасадной стороны дома земли почти не было. Почти сразу же после крыльца начинался забор, к которому вела узенькая тропинка. Радовало, что забор этот достаточно частый, с небольшими просветами между досками. Ему все видно хорошо и на приличное расстояние. Его же не разглядеть, пока не подойдешь к забору вплотную.

Все скудное хозяйство находилось за домом, где за забором сразу же начинался лес. В который раз мелькнула мысль, как здесь может жить совсем молоденькая девушка. Да еще и одна. Ведь по его прикидкам Нате не больше двадцати. Должно быть, она очень храбрая, как и самостоятельная. Точно не глупая, хоть и по-деревенски темная.

Кроме небольшого и ухоженного огорода с тепличкой, за домом имелся еще небольшой сарай, где Савелий обнаружил склад садового инвентаря, инструментов и еще каких-то вещей. Прямо к дому примыкала срубовая пристройка. Каково же было удивление, когда он понял, что это баня. Приятное

удивление. И попасть из бани можно было прямо в дом, через низкую дверь. И пахло там приятно вениками и деревом. Значит, вот где дикарка моется. А он ломал над этим голову.

Баню изнутри он решил осмотреть основательно. Первое, что бросилось в глаза, какая та чистенькая. Ни намека на паутину в углах. Деревянный пол и лавка выскоблены до блеска. Чистые тазы сверкают натертыми боками. Несколько ведер, полных водой. В печке нет золы, значит, и ее Ната недавно чистила. Веник на стене... Красота! Сразу же захотелось попариться как следует, ведь, он пока еще толком даже не мылся. Думать о том, что раздевала его догола, как и стирала с него грязь эта девчонка, не хотелось. Подобные мысли Савелий настойчиво гнал, чтобы не испытывать стыда. Да и повлиять тогда на ситуацию он не мог, так смысл мусолить все это в голове.

Так, печка топится дровами. И где они, собственно говоря? Ни в бане, ни поблизости таковых не нашел. Обнаружил поленницу в сарае, но была она практически пустой. Вот и дело подоспело! Радостно вооружившись колун и обнаружив за сараем пенек и кучу не рубленных поленьев, Савелий приступил к работе.

Однако, для того, кто в жизни не рубил дрова, дело оказалось даже не сложным, а чуть ли не невыполнимым. А выглядит все так просто. С экрана телевизора. Подумаешь, замахиваешься топором и метко бьешь по куску дерева. Ага, куда там! Брусок этот еще установить надо так, чтобы не валился с пенька. А потом прицелиться... И раз за разом Савелий банально промахивался, пока не начал психовать всерьез. Да, он скорее пенек разрубит, чем это несчастное полено. Одни щепки и летят в разные стороны.

Тут уже было дело принципа – или он сделает полено, или будет выглядеть перед ним полным неумехой. Некстати вспомнилась крапива и слова Наты. Воспоминания придали злости – замахнулся Савелий так, словно перед ним не потрепанное полено было, а враг номер один.

– Что ты делаешь?!

– Черт! Зараза-а-а!.. – запрыгал Савелий на одной ноге, когда колун вместо того, чтобы разрубить уже цель, вдруг выпал у него из рук, да прямо на ногу. А всему виной стала внезапная помеха, вывернувшая из-за угла сарая.

Боль была адская. Мелькнула даже мысль, что он отрубил себе ступню или часть оной.

– Откуда у тебя только руки растут! – распекала его Ната, пока вела к дому, обхватив за талию. Он же пытался прыгать рядом с ней и не стонать. Нога продолжала адски болеть. Наступить на нее не мог, как и смотреть боялся. – И чего за топор хватаешься, раз не можешь удержать?..

Что тут ответишь? Ничего. Могла бы промолчать, конечно, не давить на больную мозоль. Но говорит она все правильно. А заставить замолчать эту девушку невозможно – истина, которую Савелий усвоил очень быстро.

– Сиди и терпи, – толкнула она его на диван и опустилась перед ним на корточки. – Дровосек нашелся... Надеюсь, нога цела, – расшнуровала Ната кроссовок и принялась аккуратно стягивать носок.

На всякий случай Савелий отвернулся – вдруг там кровавая каша вместо его ступни. Впрочем, сырости он пока не чувствовал, но если разрублены сухожилия...

– Повезло тебе, что уронил топор тупым концом, – прервал панические мысли спокойный голос девушки. – Так больно? – надавила она на ступню.

Тут уже и Савелий решился посмотреть вниз.

– Больно, но не критично. Терпеть можно, – выпустил он воздух сквозь стиснутые зубы, видя свою ступню целой и почти невредимой, разве что, припухшей в районе пальцев.

– Кости целы, – заключила Ната, прощупав ступню как следует. – Ушиб сейчас нейтрализуем. Сиди, – с этими словами она скрылась в кухне.

Вернулась со льдом в пакете, заворачивая тот в полотенце.

– Приложи и поддержи немного. Опухоль спадет...

Она вышла из комнаты, а вернулась переодетая в домашний костюм. Все это время Савелий добросовестно держал лед в месте ушиба, стараясь не заикливаться на том, что нога постепенно немеет.

- Хватит, - забрала у него Ната лед. - а то так и до цистита недалеко, - усмехнулась. - Ты чего дрова-то надумал колоть?

- Для бани.

- В баню хочешь?

- Не мешало бы попариться, - посмотрел он на нее исподлобья. Отчего-то было стыдно выглядеть перед ней таким неумехой.

- Будет тебе баня, - кивнула Ната. - Дрова у меня есть.

- Да мало там их.

- А я и не колю впрок, зачем? - передернула она плечами и получилось это у нее как-то очень элегантно. - Закончатся, наколю, делов-то...

Для кого как, - пронеслась не самая весела мысль.

- Давай, наложу повязку, а потом схожу растоплю баню. Париться хоть умеешь? Или научить? - усмехнулась.

- Справлюсь... - чуть не добавил «наверное».

Но если и это дело окажется ему не по плечу, то можно смело записывать себя в неудачники. И это ему - владельцу многих активов и огромного состояния. Жизнь, оказывается, не так проста, как ему всегда казалось. Иногда она указывает на мелочи, которые в себе несут гораздо больше. Ведь дело вовсе не в умении колоть дрова, а в том, что он мало чего умеет делать руками. И тут можно сказать, что каждому свое, если бы та же жизнь не забросила его сюда. А для чего? Не для того ли, чтобы наступило переосмысление?

- Как нога? - поинтересовалась Ната, когда вернулась из бани.

Вместе с ней в комнату ворвался запах парной, приятно взбудораживший обоняние.

– Почти не болит, – стряхнул с себя Савелий философский налет.

– Тогда, вот тебе полотенце и смена белья, – достала она все это из шкафа. – А я пока займусь ужином.

Глава 8

Натали

И чего это она распереживалась? Да пусть хоть упарится там, ей-то что? Дергается, вместо того чтобы наслаждаться долгожданной тишиной и покоем.

Нет, так она точно не может. Бросив недочищенную картошку в таз с водой, Ната отправилась в баню. Ну не в саму, конечно, а к двери, возле которой и затаилась, прислушиваясь. Когда слуха ее коснулась незамысловатая мелодия, напеваемая довольно приятным баритоном, немного успокоилась. Да и что с ним может случиться? Не ребенок же – голову в печь совать не будет, оставалось надеяться. Хотя, к жизни обычных людей он, конечно, мало приспособлен.

Ната вернулась в кухню и вновь занялась чисткой картофеля. На ужин решила пожарить картошки, не мудрствуя лукаво. Захочет изысков – пусть вон пирог свой доедает. Вкусный пирог, должна была признать. Сама не удержалась и отхватила кусочек от холодного. Таким он ей даже больше понравился.

– Наталка, ускоряемся. Мама скоро придет...

Папа придвинул свой табурет к мусорному ведру, стоящему посреди кухни, и вооружился ножом.

– Я и так тороплюсь, – сдула Ната челку со лба, не переставая орудовать ножом. Самое сложное – это выковыривать глазки, но и с этим делом она справлялась на отлично.

– Так. А таз мы отодвинем и будем метать в него картошкой, – отодвинул папа ногой табуретку с тазом подальше. – За попадание один балл. Победитель загадывает желание.

– Так не честно! – насупилась Ната. – Ты быстрее чистишь.

– А я под тебя подстроюсь, – улыбнулся отец.

Дело пошло веселее, правда, и брызги из таза летели во все стороны. А приступы смеха мешали Нате работать.

– Так, по последней... Кто первый, тот и победил.

– Я первая, я первая! – метко запульнула Ната картофелину в таз и вскочила с табурета.

– Ну вот, опять продул, – уже не торопясь дочистил папа свою картофелину. – Желание твое, – тут же улыбнулся, целуя Нату в макушку, как любил делать. – А вот и мама... – донесся до них звук захлопываемой двери. – Ставь вариться картошку, а я пойду маму встречу, – велел отец.

Еще через какое-то время, когда Ната поставила на плиту кастрюлю и включила газ, до нее донесся явно раздраженный папин возглас:

– Увольняйся завтра же!..

И уже не впервые она услышала эту фамилию – Мамонтов. Ненавистный Мамонтов, из-за которого мама плачет по вечерам, возвращаясь с работы. А папа ее уговаривает уволиться. Но мама не соглашается, потому что им нужны деньги...

Ната накрыла сковородку крышкой и убавила газ. Почему именно сегодня воспоминания снова решили вторгнуться в ее жизнь? Не потому ли, что Мамонтов младший сейчас парился в ее бане? И именно с ним она будет делить свой ужин. И его она прячет в своем доме, вместо того чтобы избавиться от него как можно скорее. А что ей, собственно, мешает это сделать? Всего лишь нужно позвонить...

Ната взяла со стола телефон и восстановила в памяти номер. Память у нее была фотографическая, и многие вещи она запоминала без труда. Как вот номер горячей линии, который уже высвечивался на экране телефона. Осталось только нажать кнопку вызова, над которой она и занесла палец.

«Назови любую цену за молчание», – всплыла в голове фраза. Она отчетливо услышала ее снова, как и увидела напряженное мужское лицо. Цену? У всего есть цена, дружок. И зря ты соглашаешься на любую. Как бы она не показалась тебе слишком великой!

Ната тряхнула головой и сбросила номер с экрана. Нет, ничего пока предпринимать она не будет. А дальше покажет время.

И чего он там засел? Решил напариться до сердечного приступа? Бывал ли он в русской бане раньше? Хотя, о чем это она... Уж банные утехи для таких, как он, точно не диковинка. Поди и в русской, и в турецкой, и в финской... во всех банях мира перебивал. И все же, ее нервирует, что он так долго там торчит!

Ната решительно шагнула за порог кухни и снова отправилась к бане. Во второй раз прислушалась, но не различила ни звука. Откуда-то зародился испуг. Она взялась за ручку двери, но открывать ту не торопилась. Вдруг ему стало плохо? Ведь печка у нее ого-го! А банька совсем крохотная. Часто нельзя поддавать жару... А, была-не была. Один раз она его уже спасла, так почему бы не сделать этого снова.

– Ой!..

– Соскучилась?..

Выпалили они это одновременно. Только вот, Ната не улыбалась, глядя на совершенно голого Мамонтова, застывшего в позе Аполлона прямо напротив

двери. Он же довольно лыбился и даже не пытался прикрыть наготу.

- Идиот! - хлопнула Ната дверью так, что как та еще уцелела, и промаршировала в кухню. - Позер... - это она уже сказала посмеиваясь.

Забавно получилось, и он не растерялся. Только, зря старается - красоты его ее не прельщают, да и видела она его уже голым. Тьфу ты! Нашла, о чем думать.

В кухню Мамонтов вошел, когда она уже накрыла стол. В который раз подумала, что папины вещи сидят на нем как родные. И гладко зачесанные назад мокрые волосы делали его лицо несколько иным. Скулы казались больше. Да и весь он показался Нате каким-то большим, чуть ли не великаном.

- С легким паром, - мазнула по нему Ната взглядом. - Чай будешь?

- С удовольствием! - плюхнулся он на табурет. - Нет ничего лучше чая после бани, - довольно протянул.

Ну да, чай после бани она и сама любила. Да еще и с медком... Бабуля ей такой всегда делала. И в детстве Ната мед терпеть не могла, а сейчас вот не могла без него обходиться. Запасы свои все время пополняла. Да и мед ей нужен был для снадобий тоже.

- Телефон дашь? - попросил Мамонтов. - Позвонить хочу.

- Бери, не жалко, - кивнула она на стол.

Немного разочаровалась, когда он с ее телефоном вышел из кухни. Хотела было подслушать, о чем и с кем будет говорить, но передумала. Поди, папаше станет звонить. Но пусть делает, что хочет, ее это не касается.

Глава 9

Савелий

– В общем, сиди в своей глуши и не высывайся. Как появятся новости, я сам с тобой свяжусь.

– Пока, дружище.

Савелий отключился и какое-то время еще сидел на диване, крепко задумавшись. Денис подтвердил его подозрения, что к катастрофе причастен Рогожин. Но все это пока было только догадками, хоть уже и велась активная работа в этом направлении. Связь договорились поддерживать по номеру телефона Натали. И на сколько он завис тут, пока еще нельзя было предположить даже примерно. А главное, деваться ему некуда, и Денис прав – высываться пока никак нельзя.

В комнате пахло баней, и Савелий испытал отголоски того полного удовольствия, в которое только что окунулся. Кто бы мог подумать, что париться в тесной парилке ему настолько понравится! Дышала после бани каждая клеточка и пора, и сил сразу же прибавилось. Так и хотелось ринуться на подвиги, только не рубить дрова! Должен признать, что не все простое на первый взгляд таковым и является. Как выяснилось, не умеет он элементарного по меркам деревенской девушки, что хлопчет сейчас на кухне.

Последняя мысль заставила Савелия подняться с дивана и отправиться к Натали.

– К ужину нужно было явиться в маскарадном костюме? – невольно затормозил он на пороге, увидев Натали в темных очках и кепке, сидящей за накрытым столом.

Он и узнал-то ее не сразу.

– Это я тебе прикупила, – сняла Натали атрибуты и отложила на свободное место. – Будешь маскироваться. Примерь.

– Считаешь, что кепка и очки сделают меня неузнаваемым? – усмехнулся Савелий, но послушно нацепил все на себя.

Совершенно дурацкая кепка – с огромным козырьком и яркой бессмысленной эмблемой по центру. Но пришлось она ему в пору. Очки тоже были далеки от элегантности, зато закрывали чуть ли не половину лица.

– Жаль, парик и бороду у нас не достать, – скептически разглядывала его Натали в новом образе. – Но и так сойдет.

Савелий приблизился к небольшому зеркалу на стене и какое-то время придирчиво себя рассматривал. А что – она права, он и сам себя с трудом узнавал сейчас. Пожалуй, следует поблагодарить ее за заботу.

– Спасибо тебе! – с чувством произнес он, возвращаясь за стол.

– Да было бы за что, – равнодушно пожала она плечами, накладывая себе картошки.

– А как тебя зовут? Полное имя? – уточнил Савелий, снова вооружившись ее телефоном.

– Это тебе зачем? – моментально ощетинилась она.

Не девушка, а высоковольтная антенна – тронь, и убьет нафиг.

– Напишу своему доверенному лицу, чтобы отправил на твое имя перевод, – вздохнул Савелий. – Почта у вас есть?

– Конечно! – ответила она так, словно жила не в глухой деревушке, а в центре столицы.

– Так как? – не сдержал он улыбки.

– Соболева Натали Валерьевна, – нехотя ответила она.

– Красивая фамилия, звучная, – кивнул Савелий, набирая смс. – Не против, если я буду периодически пользоваться твоим мобильным?

На это она не ответила, лишь снова передернула плечами. Что-то сегодня она явно не многословна. Савелий понимал, что пришелся не ко двору этой девушке. Но ведь и у нее выбора нет, как и у него. Кроме того, после всего он ее отблагодарит по-царски. Будет жить себе припеваючи, хочет – в этой глухомани, хочет – в город переберется.

– Завтра сходишь на почту? – дождался он ответа от Дениса.

– Слушай, меня тут все знают. И про перевод сразу станет всем известно. Что я людям скажу? Ты даже представить не можешь, какие тут все любопытные.

А вот об этом он не подумал. И он мог догадаться, насколько каждый на виду в таких маленьких поселениях. Да еще и Натали, что живет особняком. Наверное, про нее болтают даже чаще и больше, чем про всех остальных.

– У меня есть кое-какие сбережения, – тут же заговорила она снова, не дав ему ответить. – Живя тут, тебе все равно придется довольствоваться малым. С голоду умереть не дам, а с остальным потерпишь.

Собственно, с доводами Натали Савелий не мог не согласиться. Эту ситуацию она продумала лучше него и наперед. Получается, перевод отменяется, о чем он сразу же и написал Денису. Все расчеты можно оставить на потом. Он хотел как лучше, но для лучшего, видно, еще не наступило время.

– Ешь уже, а то время укола прозеваем, – зыркнула на него Натали.

– Опять укол? – воззрился он на нее.

– А ты как хотел? Еще три дня буду травмировать твою изнеженную... – она не договорила, но и так понятно, что там в конце шло.

– Садистка, – не сдержал Савелий улыбки.

Станным делом, но перепалки с этой девушкой ему нравились. Да и смотреть на нее было приятно, особенно, когда она морщила свой курносый нос. И когда возмущалась... А уж если рассуждала, то и вовсе ее лицо окрашивалось какой-то высокохудожественной одухотворенностью.

– А ты родилась здесь? Или может в Италии? – поинтересовался Савелий через какое-то время, вспомнив, что Натали рассказывала о матери.

– Я родилась в Москве. Сюда переехала, когда мне исполнилось десять, – сказала, как отрезала она.

Вот как? Все интереснее и интереснее становится. И любопытство в нем разыгралось не на шутку, промолчать не смог.

– А отец у тебя был русский?

– Папа да... Они с мамой познакомились, когда папа отдыхал в Италии, в Римини. Она работала официанткой в ресторане отеля. А потом переехала жить к нему, – посмотрела на него Натали, и снова Савелий не разобрал, что же такое видит на дне ее глаз.

– И они развелись потом? Она уехала в Италию?

– С чего ты взял? – неподдельно удивилась Натали.

– Ну... Сюда же ты приехала с отцом, – понимал он, что говорит что-то не то. Но последовательность не желала выстраиваться в его голове, хоть он уже снова заметил, как неприятен Натали этот разговор.

– Мама умерла, когда мне было десять. Ты поел? Пошли уже делать укол! – с шумом отодвинула она табурет, поднимаясь из-за стола. Не дожидаясь Савелия, первая покинула кухню.

Он еще какое-то время оставался сидеть и размышлять. Получается, переехала она сюда с отцом сразу же после смерти матери. Из столицы – в глухомань. Очень интересно! Жизнь этой девушки приобрела в глазах Савелия таинственный окрас. И очень захотелось разгадать ее тайну.

Натали

Как же хорошо! Ната потянулась на крыльце дома, подставляя лицо солнцу – пока еще робкому, но уже ласковому и теплomu. День сегодня будет замечательным – на небе ни облачка. Нужно наведаться в лес за грибами. Скорее всего, уже появились летние опята. Можно натушить их с картошкой или просто пожарить... Нашла о чем думать с утра пораньше, – хихикнула Ната. Пока ее ждет огород, а уже потом все остальное.

Каково было ее удивление, когда, завернув за дом, она увидела Мамонтова собственной персоной. Оголенный до пояса, он выполнял какие-то упражнения, размахивая руками и приседая одновременно. Выглядел при этом, как заправский атлет. Не хватало только диска для метания, но и без него мышцы на мужском торсе бугрились нешуточно. И в любое другое время Ната могла бы залюбоваться. Но не этим мужчиной и не с утра пораньше. Она-то лелеяла надежду, что хоть рано утром побудет наедине сама с собой и с природой, а тут нарисовался, значит.

– И чего тебе не спится? – сварливо поинтересовалась Ната, обувая калоши и закатывая рукава садовой рубашки.

– А я жаворонок, всегда встаю рано, – с довольной улыбкой сообщил Мамонтов, не переставая упражняться. Сейчас он согнулся в поясе и тоже размахивал руками. – Ты, я вижу, тоже.

– Я, может, и поспала бы подольше, но дел невпроворот, – буркнула Ната, шагнув между грядок.

На самом деле, она тоже относилась к жаворонкам, и разве что, зимой, когда на улице мело, могла себе позволить поваляться подольше в кровати. Но и такое случалось с ней редко. Ната вообще не понимала, как кто-то может скучать или слоняться без дела. У нее дела всегда находились. Порой и дня не хватало, чтобы переделать все. Частенько на это уходила и часть ночи. И свою насыщенную жизнь она обожала!

Земля была сырая от росы. Но это не помешало Нате приступить к работе. Уже на кустиках завязывались огурчики. С каждым днем плоды становились все тяжелее. И чтобы хрупкие стебли не страдали, Ната все их подвязывала,

пропалывала от травы. Она любила разговаривать с растениями, веря, что те живые и все слышат. Но сегодня ей мешали посторонние уши, и это немного раздражало. Поскорее бы закончил свои махания и убрался с глаз долой.

Мечтам Наты не суждено было сбыться. Какое-то время Мамонтов еще делал зарядку, а потом решил заняться созерцанием.

- Так и будешь пялиться?! - не выдержала и поинтересовалась Ната, когда работать и дальше под столь настырным взглядом уже не могла.

- За тобой приятно наблюдать, - просто отозвался он. - Давай, помогу?..

- Еще чего! - тут же отреагировала. Сделала это слишком резко, сама пожалела.

- Боишься, что не справлюсь? - усмехнулся Мамонтов.

- Не боюсь, а знаю. И помощь мне не нужна, - чуть не добавила «твоя», вовремя сдержалась. - Да и я скоро закончу, - почти миролюбиво добавила.

Сейчас Ната готова была сказать все что угодно, лишь бы он убрался отсюда. Она не музейный экспонат, чтобы ее разглядывать. И тут не бесплатный цирк.

- Ладно, пойду, тогда, приготовлю завтрак.

- Иди-иди, милочка, - пробормотала Ната, когда Мамонтов уже не мог ее слышать. И сама же чуть не покатила со смеху. Так говорила ее бабушка. Только вот на милка Мамонтов не тянул никак.

Через полчаса Ната вымыла калоши, оставив их сушиться на солнышке, и отправилась в дом. Ее на огороде и из кухонного окна было прекрасно видно. И пару раз она отчетливо чувствовала на себе посторонний взгляд. Но на это уже старалась не обращать внимания.

В доме пахло жареными яйцами. Сразу же захотелось есть, но еще какое-то время Ната медлила. Спустилась в подпол за корзиной для грибов. Сложила в нее специальный грибной ножичек и спрей от насекомых. С наступлением тепла этих кровососущих заметно прибавилось - все они попросыпались после зимней

спячки и жаждали свежей крови. И Ната ничего против не имела, у каждого есть свое место в природе. Но и покусанной быть не любила, благо, для этого изобрели кучу всяких средств. А когда таковые у нее заканчивались, настойку от комаров она делала сама, пока не пополняла запас фабричными средствами.

– Я уже заждался, – такими словами встретил Нату Мамонтов, когда она буквально заставила себя войти в кухню. Вернее, голод настырно погнал ее туда.

– Ну и не ждал бы...

– Это не вежливо, раз мы живем в одном доме. А ты могла бы хоть раз обойтись без вредности, – по-доброму пожурил ее он.

Обычно она и обходится без этого, но с ним так не получалось. Да и Ната не старалась – ее расположение нужно заслужить, а он может из шкуры выпрыгнуть, все равно не получится.

– Это что? – смотрела Ната на большое блюдо с ломтями запеченного хлеба. По-прежнему пахло жареными яйцами, но ни омлета, ни яичницы и в помине не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/volgina_nadezhda/oligarhov-nado-ka-lechit

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)